

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о знаменитом разведчике Рихарде Зорге и японской женщине, которую звали Исии Ханako. Ее имя вряд ли что-то скажет читателям, далеким от истории разведки. Впрочем, даже имя самого Рихарда Зорге сегодня известно далеко не всем. А если и известно, то, в основном, по набору давнишних — до заплесневелости — штампов и стереотипов: кажется, так звали советского шпиона, работавшего в Японии... Вроде бы он был немцем. Или русским. В Азербайджане кто-то вспомнит, что он родом из Баку или откуда-то рядом. Был отчаянным мотоциклистом, бабником, алкоголиком и, говорят, еще двойным агентом. Или даже тройным. Правда, не совсем понятно, чьим именно. Но потом вдруг стал Героем Советского Союза — вроде как потому, что предупредил Сталина о точной дате и даже времени нападения Германии на СССР. При этом сам Сталин за что-то сильно не любил Зорге и никогда ему не верил — что-то там такое произошло между ними раньше...

Весь этот (отнюдь не полный, надо заметить) набор мифов и легенд о Рихарде Зорге был бы совершенно не оригинален и вполне стоился бы для жизнеописания едва ли не любого суперагента середины XX века, если бы не присутствие в нем пикантной экзотической нотки: истории отношений Зорге и какой-то японской девушки-любовницы — то ли гейши, то ли официантки. Трогательный романтический сюжет любви шпиона и «девушки в кимоно» в обязательном порядке входит во все театральные, кино- и телеверсии рассказов о Зорге, никогда, впрочем, не занимая в них центрального места. Ханako изображается

в них по-японски нежной, заботливой и покорной спутницей бесшабашного разведчика, которая потом так же по-японски незаметно исчезает со сцены, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания чрезмерной экзотичностью и не вполне ясной ролью в жизни «Рамзая» — под этим оперативным псевдонимом Рихард Зорге работал на советскую разведку с 1930-го по май 1941 года. Странно даже, что до сих пор никто не снял фильм о них под названием «Чио-Чио-сан наших дней» («Гейша и шпион» или «Советский ниндзя и его гейша»).

Конечно же, реальная история взаимоотношений Исии Ханако с Рихардом Зорге, а затем с памятью о Рихарде Зорге намного сложнее, запутаннее и драматичнее, чем это принято показывать в кино. При этом о самой Ханако известно очень мало, в знаниях этих обычно опираются на небольшие фрагменты из ее первых двух книг, воспроизводимые то там, то сям, да на мнения и воспоминания тех немногих, кто о ней писал раньше и встречался с ней лично. И это несмотря на то, что первая книга Исии Ханако о Зорге вышла в 1949 году, а скончалась эта женщина и во все в наше время — в 2000 году. Многие из ныне здравствующих отечественных японоведов и работников СМИ имели бы возможность пообщаться с ней лично, если бы уже в то время интересовались этой потрясающей историей.

Общение советских журналистов с бывшей возлюбленной разведчика началось в 1964 году, когда имя Зорге стало известно не только во всем мире, но и в Советском Союзе. Тогда корреспонденты ведущих газет — «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», некоторых других, наперебой бросились за интервью к Ханако, и она никому не отказывала в беседе, с разной степенью точности воспроизводя то, что она до этого уже написала в воспоминаниях, надеясь, что когда-нибудь эти непрочитанные еще советскими читателями книги станут доступны им в переводе. Кто-то из владевших японским языком и переводил. Но всегда не целиком, а отрывками, кусками, теми фрагментами, которыми можно было удачно проиллюстрировать сюжет с Зорге, подогнав под строго выверенный идеологический канон. И совершенно напрасно, ибо написанное Исии Ханако заслуживает полного перевода.

Три ее книги под одной обложкой объединили только в 1970-х годах. Первая часть рассказывает о знакомстве Ханако и Рихарда, их совместной жизни и заканчивается арестом Зорге 18 октября 1941 года и сообщением японской прессы об этом в мае 1942 года. Она содержит массу интересных исторических фактов, деталей, касающихся жизни Зорге в Японии — порой неизвестных даже очень узким специалистам, занимающимся этой темой. Это относится к упоминаниям о командировках «Рамзая» в Китай, к общению с агентами резидентуры, которых встречала Ханако в его доме, с сотрудниками германской дипломатической миссии и посланцами из Берлина и, как ни странно, даже отношениям советского резидента с полицией.

Часто совершенно невероятные, на наш сегодняшний взгляд, эти, почти бытовые, коллизии лучше любого исторического исследования отображают реальную обстановку, в которой работал «Рамзай». Его дом был расположен так, что из окон стоявшего напротив полицейского участка района Ториидзака было видно, по выражению инспектора, допрашивавшего Ханако, ее голый зад. Бесстрашная дерзость Зорге в общении с полицией доходила до избивания ее сотрудника, и это не препятствовало ужинам с начальником отдела политической полиции — токко. Может оказаться, что эти и многие другие реалии истории Зорге и Ханако будет трудно понять, если не учитывать априори двойственный характер поведения иностранца в Японии. Рихард Зорге был блестящим японоведом, знатоком японского менталитета и знал, что, как и когда допустимо совершать. Он никогда не рисковал просто так. Причем знание это появилось у него и было им развито еще в период работы в Шанхае, где японцы представляли собой одну из главных действующих сил в городе и в Китае вообще. Благодаря этому пониманию природы японской психологии он и сумел целых восемь лет водить за нос местную полицию, которая всегда хотела узнать об этом загадочном немце как можно больше и неизменно оказывалась обескуражена тем, что он не только ничего не скрывал, но и выставлял все напоказ — от своей личной жизни до неприязни к самой полиции. На то, чтобы понять, что все это была лишь игра — на грани фола, но тонкая, дерзкая, тщательно про-

считанная, японцам понадобились годы. Свидетельницей всего этого была она — Исии (тогда еще Миякэ) Ханako, и каждое ее слово о том, как это было, сегодня имеет исторический вес.

Не менее интересна и, быть может, более трогательна вторая часть ее книги, посвященная тому, как происходили поиски праха Зорге, его эксгумация и перезахоронение. Весьма эмоциональный тон Ханako, и без того к концу первой книги достигший высокого уровня, во второй не только не снижается, но даже наоборот, становится еще более пронзительным. Нервами, обмакнутыми в тушь, возлюбленная нашего разведчика писала о событиях конца войны и о своем главном переживании: она наконец-то точно узнала о казни Зорге и теперь пыталась разыскать его тело, чтобы либо посетить могилу, либо, если такой могилы нет, создать ее. Ханako без стеснения описывает свое состояние тех лет, которое вряд ли можно охарактеризовать иначе как грань помешательства. Она разговаривала с Зорге, слышала его голос на кладбище, видела и слышала знаки, помогавшие ей найти силы для продолжения борьбы.

Рассказ об эксгумации — ключевой момент второй части. Нет смысла здесь повторять те слова, что написала сама Исии Ханako, вспоминая этот жуткий эпизод; мы воспроизвели их далее. Заметим другое: при всей ее эмоциональности она всегда оставалась японкой — человеком действия, быстро обретавшим силы после короткого срыва. Как только эксгумация была произведена, мысли Ханako оказались направлены на решение следующей задачи — кремации. Получив же, в буквальном смысле слова, на руки прах любимого человека с несгоревшими фрагментами костей, Ханako произносит фразу вряд ли сознательно, но почти дословно повторяя знаменитое восклицание Тиля Уленшпигеля: «Зорге живет в моем сердце!»

Особая история — почти совершенно неизвестный широкой публике исторический и психологический фон жизни японцев в Токио в условиях американской оккупации, когда каждый шаг любого человека делался с оглядкой на Америку. И это же время стало периодом небывалой активности профсоюзов и коммунистов в Японии, о чем тоже сегодня помнят только специалисты. Неудивительно, что,

как и сам Рихард в потерпевшей поражение Германии после Первой мировой войны, Ханako пыталась разобраться в причинах глобального братоубийства в условиях капитулировавшей Японии после Второй. Увы, в отличие от доктора Зорге, абстрактные размышления и обобщения автора книги о нем вряд ли можно назвать ее сильной стороной. При чтении смысл переживаний становится не столько ясен из текста, сколько ощутим по его эмоциональной окраске. Но и не рассказать об этом нельзя — иначе станет непонятно, в каких условиях боролась Ханako за осуществление своей мечты.

Как и первая часть ее книги, вторая изобилует множеством деталей биографии Зорге, ранее неизвестных не-японским исследователям. Возможно, их даже больше, чем в первой, по той простой причине, что здесь речь идет о событиях, случившихся уже после его гибели, а оттого до сих пор не привлекавших особого внимания историков. Между тем весьма важным выглядит упоминание о стремлении американской разведки получить от Исии Ханako хоть какие-то сведения по делу подруги и коллеги Зорге времен шанхайской командировки — Агнес Смедди. Как раз в это время ФБР на фоне нарастающей волны антисоветизма и антикоммунизма в США проводило в ее отношении новое расследование. Материалы из Токио могли оказаться очень к месту, но их так и не удалось добыть, а сама Смедди вскоре внезапно умерла.

Не вполне понятно, представители какой именно спецслужбы интересовались этой информацией, но вероятно, что это могли быть сотрудники отдела G-2 штаба Верховного командования оккупационных сил союзников в Японии, то есть американской военной разведки, действовавшие по просьбе своих коллег из ФБР (или вместе с ними). Именно офицеры G-2 и, прежде всего, начальник отдела генерал Чарлз Уиллоуби вели расследование в отношении самого Рихарда Зорге. В новых, послевоенных политических реалиях агент советской военной разведки, приговоренный в Японии к смертной казни как шпион Коминтерна, то есть международной сети сторонников коммунизма, стал идеальной мишенью для антикоммунистической пропаганды и поводом для сплочения сил — и американцев, и япон-

цев — в борьбе вообще с движением левых. По версии американских разведчиков, «Рамзай» выступал в качестве одной из основных сил, подталкивавших Токио к войне против США, а истоки его шпионской карьеры находились в Китае. Зорге и члены его группы позиционировались как едва ли не национальные враги Соединенных Штатов. Фактически на них перекладывалась часть вины японского правительства за начало войны на Тихом океане, и те, кто читал постоянно появлявшиеся в американских, европейских, японских изданиях статьи о деле токийской резидентуры, не могли не знать и не чувствовать этого. В 1952 году вышла книга генерала Уиллоуби, которого, как говорили, командующий оккупационными силами США в Японии генерал Дуглас Макартур полушутя называл «мой маленький фашист». Книга была основана на материалах опубликованного еще в 1949 году расследования и называлась «Шанхайский заговор», подчеркивая тем самым долгую и интернациональную историю группы Зорге. Однако в Токио американцев, разумеется, прежде всего интересовали члены местной раскрытой советской резидентуры, и следы этого интереса тоже можно увидеть в книге Ханако.

Существует современная версия профессора Като Тэцуро, много лет занимающегося «Делом Зорге», о том, как американская разведка вообще вышла на Исии Ханакю. Сама женщина рассказывала, что точные сведения о гибели Рихарда получила из купленной в 1948 году брошюры, посвященной расследованию (двумя годами позже издание было повторено по причине его высокой популярности среди читателей). Профессор Като считает, что выпуск этой брошюры был инициирован американской разведкой для того, чтобы выманить Миякэ Ханакю после позорной потери контакта с бывшим радистом группы Максом Клаузенем. Связь с ним американцам удалось установить после войны, но она тут же оборвалась — Клаузен разыскал сотрудников советской разведки в Токио и вместе с женой был тайно эвакуирован в СССР. Представители Штабквартиры оккупационных сил, по мнению Като, не знали, где находится Ханакю, и, организовав публикацию, ждали, когда она сама появится в издательстве. Гипотеза сколь любопытная, столь и маловероятная: Миякэ Ханакю жила,

ни от кого не скрываясь, была зарегистрирована в муниципалитете, и у американцев имелся полный набор совершенно легальных административных инструментов для установления ее адреса в Токио, даже несмотря на смену ее фамилии в тот момент с Миякэ на Исии. Но вот было ли известно американской разведке, помнит ли она Рихарда Зорге вообще и, если да, насколько серьезно настроена сохранить о нем память?

Еще один интересный эпизод связан с долгим и активным общением Ханакосан с одним из бывших членов группы Зорге Каваи Тэйкити (1901—1981). Этот человек входил в состав резидентуры в качестве субагента — «Рамзай» не работал с ним напрямую. Каваи, действовавший под кличкой «Ронин», замыкался в своей деятельности на Одзаки Хоцуми (у которого к тому же был подчиненным в токийском офисе Южно-Маньчжурской железной дороги) и на другого члена основной пятерки резидентуры — Мияги Ётоку. Каких-либо серьезных, реальных результатов работы Каваи на советскую разведку до сих пор не обнаружено, несмотря на то что он был привлечен к сотрудничеству еще в Шанхае. Этот человек имел авантюристический склад характера, работал в основном по материальным соображениям и арестовывался японской полицией в Китае. У нас нет ни единого повода считать, что тогда «Ронин» мог выдать свои связи японцам (искренне преданный своему «патрону» — Одзаки, он навсегда сохранил ему верность), но в 2007 году были рассекречены документы, свидетельствующие о том, что много позже, уже после войны (как раз в период, описываемый Исии Ханакосан во второй части) он стал платным агентом американской разведки. Арестованный в 1941 году через четыре дня после Зорге, Каваи был приговорен к десяти годам заключения и освобожден американцами в октябре 1945 года. Через два года им заинтересовалась американская разведка, а с 1947-го Каваи допрашивался по делу все той же Агнес Смедли, с которой тоже был знаком в Шанхае, и назвал ее членом резидентуры «Рамзая» (что не соответствовало истине). В 1949 году Каваи начал сотрудничать с американской разведкой. После смерти Смедли в мае 1950-го смысл в помощи Каваи на этом направлении расследования исчез, но интерес

к нему американских спецслужб остался: помимо всего прочего, Каваи сообщал и о раздражающей деятельности бывшей возлюбленной Рихарда Зорге, но сама Ханako об этом так никогда и не узнала. И это не единственный пример чрезвычайно разнообразного окружения этой женщины в послевоенный период. Там были не только скрытые, но и явные шпионы, агенты японской полиции и депутаты парламента от Коммунистической партии Японии (КПЯ), бывшие полицейские и судебные служащие, восхищавшиеся силой характера, глубиной мышления и гуманизмом доктора Зорге и Одзаки Хоцуми сразу же после того, как требовали для них смертные приговоры. Исии Ханako общалась с ними со всеми, но при этом оставалась как бы немного отстраненной от них (как и сегодня для японских зоргеведов она остается почти никак не связанной с этим делом). Возможно, потому, что, несмотря на периодические и несколько натужные попытки высказывать в книге идеи глобального характера, смыслом ее жизни оставалась любовь к Зорге, а потом, с конца 1940-х годов — верность его памяти.

Любовь в Японии, ее выражения и переживания не всегда соответствуют привычным нам представлениям. Четко сознавая свой статус любовницы холостого иностранного мужчины, Ханako, возможно, поначалу надеялась изменить его, но чем дальше, тем, очевидно, меньше верила в такую возможность. Со своеобразной японской стойкостью она переносила и многочисленные любовные приключения Зорге: в Японии ревность считается худшим из пороков, которые могут быть присущи женщине. Так никогда и не вышедшая замуж Ханako не позволяла, чтобы это чувство овладело ее душой. Она любила Зорге, любила по-японски: преданно, безревностно и, как ни странно, этому никак не противоречила материальная составляющая их отношений.

Это тоже непросто принять носителям европейской культуры, но в японском понимании, раз уж деньги вообще существуют, то они играют важную роль не только в коммерческих делах или общественных отношениях, но и в семейной жизни или в такой связи, как между Рихардом и Ханako. Она с легкостью принимала от него подарки,

в том числе в виде оплаты ее учебы и существования, и совершенно не чувствовала дискомфорта, потому что в Японии это нормально. Она часто пишет в своих воспоминаниях о деньгах — на удивление часто, с нашей точки зрения. Но в силу разных обстоятельств Ханako не имела постоянной работы и была вынуждена непрерывно бороться за выживание, а значит, не только зарабатывать, но и просить денег. И даже принятие статуса возлюбленной Зорге имело для Ханako не только моральное, но и важное финансовое значение, как и для нас всех, кстати говоря, тоже. Ведь если бы она не написала первой части своей книги, ей не удалось бы должным образом захоронить прах нашего разведчика, который оставался не нужен своей родине долгих два десятилетия (!) после казни. Это тяжелейшее время, во многом более сложное, чем годы войны, ушло у Исии Ханako на то, чтобы не только выжить (главный источник ее существования до получения гонораров, да отчасти и после — половина зарплаты ее племянницы, которая содержала любимую тетушку), но и на то, чтобы выполнить свою основную миссию: найти прах Рихарда Зорге и организовать ему достойное погребение. Если бы этого не сделала она, то кто? Куда пришли бы люди с цветами в 1964 году, когда ему было присвоено звание Героя Советского Союза? Вопрос риторический.

Да, можно сказать, что она эксплуатировала свой статус любовницы Зорге для извлечения материальной выгоды — но для себя ли? Пепел Зорге стучал в сердце Ханako — урна стояла у изголовья ее постели, и она начала новый этап борьбы — за достойное захоронение героя и создание ему памятника. И, кто знает, не имей эта женщина сугубо японской нотки практицизма, возможно, эта борьба и не привела бы к победе. После посещения советского представительства в один из тяжелейших дней ее жизни, получив отказ в деньгах, Исии Ханako напишет: «Мне все равно, потому что я-то сама ничего не сделала. Но Зорге — он работал, рискуя своей жизнью. И ничего не сказав, достойно принял смерть. И весь мир об этом будет знать». Должен знать — она в это верила и выживала, зарабатывала, боролась с тяжелейшей болезнью — чтобы мир узнал правду о Зорге.

Все послевоенное время она жила далеко не в самых роскошных условиях: в одноэтажном домике на окраине Токио, недалеко от того кладбища, где похоронила любимого. После присвоения Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза, признания «Рамзая» советским разведчиком у него на родине состоялось еще одно — тайное, рассекреченное лишь в 1990-х годах, признание Исии Ханako «японской женой» Зорге. После этого она начала получать пенсию от Советского государства, которую передавали ей сотрудники посольства СССР в Токио. Это были небольшие, но важные для одинокой старушки деньги, и она всегда была им рада. Ей было чем оплачивать жилье, тот небольшой дом, в котором она создала маленький, но абсолютно уникальный личный музей Рихарда Зорге, собрав коллекцию из его вещей, из его подарков ей, из подарков, полученных уже в качестве «жены» Зорге, — коллекцию, которая теперь, после ее смерти, по всей видимости, полностью и навсегда утрачена. Нами, а не ею.

Исии Ханako несколько раз приглашали на отдых в Советский Союз, и она до самого конца жизни взахлеб об этом рассказывала — этим событиям посвящена третья часть книги. Признание в СССР пришло, когда она его уже не ждала, и потому эмоции в начале путешествия, когда она ехала в страну, которую никак не отождествляла с родиной Зорге, разительно отличаются от финала. Но именно это признание позволило ей исполнить мечту, которую она лелеяла, когда Зорге был жив: почувствовать себя его женой.

И пусть какие-то ее заявления выглядят странно, какие-то вызывают споры, вспомним, что она сама написала по этому поводу: «Мелкие человеческие изъяны перед лицом смерти не имеют значения. Что человек совершил, какую роль его действия сыграли в том, чтобы принести счастье людям — вот что является действительно важным».

Положив в основу нашей книги воспоминания Исии Ханako о Рихарде Зорге, мы надеемся, что это даст нам возможность, наконец, понять, кем была Исии Ханako, и как случайная встреча в токийском баре 4 октября 1935 года изменила ее жизнь, всю ее судьбу и нашу с вами память о Рихарде Зорге — человеке, которого в 2000 году японская газета «Асахи» назвала в числе ста самых влиятельных людей

XX века. Память о человеке, которым мы можем и должны гордиться, память о том Рихарде Зорге, которого пока мы почти что не знаем.

К сожалению, из-за позиции наследниц Исии Ханако, не желающих, чтобы их имена ассоциировались с историей советского шпионажа в Японии, мы не можем предложить российскому читателю полную версию воспоминаний их родственницы, так сказать, в чистом виде, но надеемся максимально полно передать не только фактическую сущность этих воспоминаний, но и их поистине драматический тон.

Общее название книги этих воспоминаний — «Нингэн Зорге», что в буквальном переводе означает «Человек Зорге», «Зорге как человек», «Человеческая сущность Зорге» — наверное, можно придумать и другие варианты перевода. Для благозвучия на русском языке мы предлагаем именовать ее «Человек по имени Зорге» и помнить, что автор книги имела в виду, прежде всего, человеческую сущность — характер, взгляды, образ жизни и мысли своего героя. Мы взяли на себя смелость самым широким образом дополнить эту работу для воспроизведения исторического фона, на котором происходили описанные Исии Ханако события, а также для уточнения некоторых деталей и пояснения нюансов истории Рихарда Зорге, с которой многие из читателей наверняка знакомы только в общих чертах. В то же время нам представляется важным постараться передать в нашей книге тот несколько рваный, местами чрезмерно лапидарный, телеграфный стиль книги Ханако, которого, может быть, не могут оценить русскоязычные читатели, но который кажется нам важным для понимания стиля мышления этой женщины.

Следует помнить, что наша книга не столько о разведчике Рихарде Зорге, сколько о том, каким видела его она, то есть о «другом Зорге». Кроме того, конечно же, это книга и о том, кем была сама Исии Ханако и как на самом деле выглядела ее долгая, растянувшаяся на два десятилетия борьба за восстановление памяти Зорге и дорогого ей имени. Мы постарались сохранить основную канву ее рассказа, а главное — максимально точно воспроизвести те мысли и эмоции, которые владели ею на этом долгом пути. И если мы где-то писали, что в определенной ситуации Исии Ха-

нако охватывал страх или она испытала радость от чего-то, читатель может быть уверен, что видит перед собой не мнение авторов о том, что чувствовала эта женщина в определенный момент, а передачу воспоминаний об этом, ею же самой и зафиксированных.

В завершение этого затянувшегося предисловия мы сердечно благодарим за помощь, оказанную в создании этой книги, наших друзей и консультантов: Имамура Эцуко, Ёсида Синго, Като Тэцуро, Тамаки Ёити, Миямото Татиэ, Марию Николаевну Бересневу, Георгия Борисовича Брылевского, Андрея Викторовича Варламова, Надежду Михайловну Гүтиеву, Оксану Александровну Наливайко, Петра Андреевича Павленко, Игоря Альбертовича Пермякова, Тамару Константиновну Сойкину и многих других людей, которые своими советами, замечаниями и поддержкой помогли нам справиться с поставленной задачей.

Все японские имена приводятся в тексте в соответствии с японскими правилами: сначала фамилия, затем имя. То есть Исии — фамилия, Ханакo — имя. Они не склоняются.

В написании японских слов и названий авторы используют «поливановскую» систему транслитерации: Сибуя, а не Шибуя. Исключения составляют устоявшиеся написания названий: Токио, а не Токё, Йокогама, а не Ёкохама и т. д. Названия некоторых районов также склоняются в связи со сложившейся традицией, например «на Гиндзу», а не «на Гиндза».

Апостол революции

Рихард Зорге появился на свет 4 октября 1895 года (по новому стилю) в небольшом городке Сабунчи недалеко от Баку — нынешней столицы Азербайджана, являвшейся тогда нефтяной столицей Российской империи. Он был младшим ребенком немецкого инженера Рихарда Зорге-старшего и русской женщины Нины Семеновны Кобелевой, происходившей из Рязанской губернии. В семье к тому времени уже имелось семь детей: Вильгельм, Маргарита, Герман, Наталия, Георгий, Мартин, Анна. Рихард оказался младшим из пяти братьев, но он никогда не говорил, что самым любимым — возможно, из-за того, что всегда отличался беспокойным, неуживчивым характером. По иронии судьбы это соответствовало его фамилии: согласно словарям, слово *Sorge* в зависимости от контекста переводится как «забота», «тревога», «беспокойство» и т. п. — и в значении «источник волнений», и в смысле «проявление внимания к кому-то». Рихард Зорге, по свидетельству всех, кто его знал, был одновременно и очень заботливым по отношению к близким людям и друзьям, и человеком, доставляющим массу беспокойства своим начальникам, коллегам, да и все тем же близким.

Кем он был по национальности? В Японии раньше таких детей от смешанных браков называли «хафу», то есть «половинка», имея в виду, что генов и национальных особенностей в них по половине от отца и от матери. Сейчас их все чаще принято именовать «даббуру», то есть «двойные», подчеркивая, что они взяли лучшее от обоих родителей. Но в случае с Зорге все несколько сложнее. Его семья покинула Баку и переехала в Берлин в 1898 году, когда Рихарду

ЛИТЕРАТУРА

Иси Ханакэ. Нингэн Дзоругэ. Токио: Кадокава сётэн, 2003.

Зорге, Огзаки сайки тантан. Торимигаситару тайдо нау кэйба ни. Сёкэй кироку хаккэн [Зорге и Огзаки — спокойны до последнего мгновения. Без паники на эшафот. Найдены записи о смертной казни] // Asahi shinbun, 17.10.2004

Massing H. Ich war Stalins Spionin in den USA // Die Zeit, 1. Juni 1950.

Алексеев М. А. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае: 1930—1933 гг. М., 2010.

Алексеев М. А. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии: Кн. 1: 1933—1938 гг. М., 2017.

Алексеев М. А. «Верный Вам Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. Кн. 2: 1939—1941 гг. М., 2018.

Будкевич С. Л. «Дело Зорге»: Следствие и судебный процесс: Люди. События. Документы. Факты. М., 1969.

Варламов А., Кутахов В. Японская жена Рихарда Зорге // Эхо планеты. 1995. № 36.

Вернер Р. Соня рапортует: Подвиг разведчицы. М., 1980 // URL: <https://litlife.club/br/?b=242082&p=9>.

Георгиев Ю. В. Рихард Зорге: Исследователь, разведчик, геополитик. М., 2000.

Давидович Д. С. Эрнст Тельман: Страницы жизни и борьбы. М., 1969.

Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон: Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001.

Комаровский Г. Е. Записки япониста. М., 2005.

Магер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.

Семенова О. Неизвестный Юлиан Семенов: Разоблачение: Повести, рассказы, стихи, пьесы, статьи. М., 2008.

Тюремные записки Рихарда Зорге // Знаменитые шпионы XX века. М., 2001.

Улановская Н. М., Улановская М. А. История одной семьи. СПб., 2003.

Шлейкин Ю. В. Катя и Рихард: Тайны жены Зорге: История неоконченного поиска. Петрозаводск, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть первая. ЗОРГЕ	
Апостол революции	17
Кристина	22
Агнес и Урсула	28
Катя и Хельма	37
Часть вторая. ХАНАКО	
«Рейнгольд»	45
Домик в Адзабу	59
Привыкание	72
Мияко-сан	82
Глубокие раны	92
Маска	106
«Сделаем лучше»	118
Источник любви	138
1941-й	147
Монолог Зорге	162
Конец	168
Часть третья. ПЕПЕЛ ЗОРГЕ	
Война	174
Поиск	185
Публикация	199
Кладбища	215
Эксгумация	220
Память	229
Новые знакомства	237
Памятник	241
Советское представительство	245
Незнакомые люди	254
Общество посещения могил	259

Часть четвертая. **МЕРТВЫЕ НЕ УМИРАЮТ**

Второй том	271
Теория смерти	278
Открытие мемориала	281

Часть пятая. **СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**

«Правда»	296
В Москву! В Москву!	304
Сочи	312
Спектакль	316
Снова Москва. Возвращение	321
1967-й	325
Черный камень Исии Ханako	328

Приложение 1.

ЗОРГЕ В ТЮРЬМЕ.

Рассказ, записанный со слов адвоката

Асанума редактором Такасэ Такэмити	331
---	------------

Приложение 2.

ИСИИ ХАНАКО О ПОСЛЕДНЕМ ДНЕ ЗОРГЕ.

Из журнала «Мировая политика

и экономика» (1976. Май)	335
---------------------------------------	------------

Приложение 3.

КОММЕНТАРИЙ ОДЗАКИ ХОЦУКИ

К КНИГЕ ИСИИ ХАНАКО

«ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ ЗОРГЕ»	339
---------------------------------------	------------

ЛИТЕРАТУРА	342
-------------------------	------------